

Из воспоминаний Д. С. Лихачева (1906-1999) – русского советского мыслителя, академика, филолога:

«Я думаю, подлинная жизнь, это голод, всё остальное – мираж. В голод люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательные, беспримерные герои. Другие – злодеи, мерзавцы, убийцы. Середины не было. Всё было настоящее. Разверзлись небеса и был виден Бог ...».

«В эвакуации (после снятия блокады) ленинградцы узнавали друг друга по специфическому движению пальцев: придавливанию пальцами хлебных крошек. Хлебные крошки на столе придавливались пальцами, чтобы они прилипли к ним, и отправляли эти частицы пищи в рот. Просто невыносимо было оставлять хлебные крошки».

«Сильно пострадали научные работники, библиотекари; умерло много молодых талантливых математиков, вымерли все этнографы. Но зоологи сохранились: многие умели охотиться».

«Хлеб, который выдавали ленинградцам был двух сортов: более черный и более белый. Люди старались брать более белый – а он был ... с бумажной массой. Получать хлеб ходила жена Зина, выстаивая страшные очереди, в которых многие умирали, не дождавшись своей пайки».

Из воспоминаний Зинаиды Александровны (жены академика Лихачева):

«До войны мы чистили детские шубки белого цвета манкой. Был такой способ: манной крупой очищать белые шубы. Этот «порошок» где-то лежал у нас. Как же мы были счастливы, найдя его потом, когда съели весь клей. Манная крупа была с шерстинками от шубы, имела густо-серый цвет от грязи. Но и эта «еда» пьянила и бодрила».

Лихачев Д. С. Воспоминания. – Санкт-Петербург : Логос, 2006. – 543 с.

Подвиг Эрмитажа

«Молниеносный захват Ленинграда рассматривался гитлеровским генштабом как важнейшая задача «Блицкрига». Гитлер – преступник и злодей – был ещё и маниакально-деятельным архитектором. В его планы входило не только умертвить всех «неарийцев», но и снести с покоренных территорий все памятники архитектуры подчистую. В «великогерманском всемирном третьем рейхе» не должно не остаться ничего, оскорбляющего эстетического чувства художника-монументалиста. Только монументальные сооружения, повторяющие античные, внушающие гордость своим величием будут возвышаться во Всемирном Рейхе. Застройка таких городов, как Ленинград, Париж, Лондон и т. п. изначально примитивна и должна быть навеки предана

забвению. Об этих чудовищных планах Гитлера прекрасно знали советские работники культуры.

Когда начались бомбежки Ленинграда, Орбели (директор Эрмитажа) понимал только одно: «Эрмитаж один – один для советского народа, один – для всего человечества, и один у него, академика Орбели». Орбели кинул клич. Это была самомотивация всей ленинградской интеллигенции: профессора Академии, искусствоведы, старые и молодые художники пришли сюда в первые же часы войны, пришли по зову сердца. Надо было торопиться. Враг подходил к городу. Реставраторы дали согласие срезать картины с подрамников. Так было быстрее. Но что значит срезать картины?! Художники на это не пошли. Сократили время отдыха, сна».

В июле 1941 года большая часть эрмитажной коллекции, два миллиона экспонатов, была вывезена двумя особо охраняемыми эшелонами через Вологду, Киров и Пермь в Свердловск. Третий эшелон вывезти не успели, и эти сокровища были спасены работниками Эрмитажа в его подвалах.

Рассказывает П. Ф. Губчевский:

"Случилось это через неделю после прорыва блокады», — поздно вечером 25 января сброшенная немецким «юнкерсом» фугасная бомба весом в тонну разорвалась на Дворцовой площади ...

Зимний дворец, его колоссальное здание, фантастичное по плотности массива, колыхнулось как утлый кораблик в бурном море. Чудовищную силу взрывной волны приняли на себя все эрмитажные здания. Взрывная волна, пройдя через Висячий сад, ворвалась в Павильонный зал и вышибла здесь уцелевшие стекла даже в окнах, обращенных на Неву. Десятки оконных проемов зазияли пустотой. Ночью разыгралась пурга. Вихревые порывы ветра задували в залы мокрый снег, устилая полы белой пушистой пеленой. Утром стало таять, а к вечеру ударил мороз. Мокрый снег смерзся с битым стеклом, образовав на полах сплошную ледяную кору. Все мы принялись спасать от этого губительного настила фигурные паркеты и мозаичные полы. Мне достался Павильонный зал. Толстый слой бугристого льда, смешанного с осколками стекла, покрывал здесь чудесную мозаику, вделанную в пол перед входом в Висячий сад. В моих руках был железный ломик, и я знал, **ЧТО** под моими ногами. Сантиметр за сантиметром я осторожно скалывал лед и стекло".

Варшавский, С. Подвиг Эрмитажа / С. Варшавский, Б. Рест. – Москва, 1965. – 190 с.